

НЕКОТОРЫЕ
ДВЕРИ ЛУЧШЕ
НЕ ОТКРЫВАТЬ

The poster features a close-up of a woman's face, split vertically. The left side is in shadow and has a digital glitch effect, while the right side is brightly lit. In the background, a city skyline is visible at sunset. A circular inset shows a person walking away from the viewer down a long, brightly lit corridor. The title is written in large, white, sans-serif capital letters at the bottom.

МЫ ИСЧЕЗНЕМ ДО РАССВЕТА

Никита Князев

«Мы исчезнем до рассвета»

«Автор»

2026

Князев Н. А.

«Мы исчезнем до рассвета» / Н. А. Князев — «Автор», 2026

В мире, где система определяет твоё будущее, свобода выбора считается опасной ошибкой. Восемнадцатилетняя Анастасия Алдохина получает невозможный результат теста совместимости — ноль процентов. Теперь она угроза, которую система должна устранить. В поисках правды Настя обнаруживает тайный проект «Рассвет», следы исчезнувшего отца и воспоминания, которых у неё никогда не было. Она узнаёт, что государство способно переписывать память и управлять человеческим сознанием. До завершения проекта остаётся меньше шести часов. Чтобы спасти себя и, возможно, весь мир, Насте придётся раскрыть тайны прошлого и выяснить, почему система боится именно её. Некоторые двери лучше не открывать. Но что, если за ними скрыта правда, способная изменить всё?

© Князев Н. А., 2026

© Автор, 2026

Никита Князев

«Мы исчезнем до рассвета»

Восемнадцать лет считались возрастом свободы. По крайней мере, именно так говорили с детства учителя, ведущие государственных каналов и улыбающиеся лица на огромных экранах, установленных на каждом перекрёстке. В восемнадцать лет человек получал право самостоятельно выбирать профессию, место проживания, круг общения и даже собственный жизненный маршрут. В восемнадцать лет государство переставало принимать решения за тебя, позволяя наконец стать тем, кем ты действительно являешься. По крайней мере, так утверждали официальные буклеты, которые ежегодно распространяли в школах. Никто не упоминал о том, что прежде, чем получить свободу, необходимо пройти Единую оценку совместимости, и никто не объяснял, почему после этой процедуры некоторые люди исчезали из городских списков, словно никогда не существовали. Их фотографии пропадали из семейных архивов, записи о рождении стирались из государственных баз, а родственники внезапно начинали утверждать, что всегда жили одни. Впрочем, последнее было невозможно доказать. В мире, где государственная система хранила каждое слово, каждое движение и каждое воспоминание, сомнение считалось не признаком здравого смысла, а симптомом опасного расстройства.

Анастасия Алдохина знала об этом больше, чем следовало знать обычной школьнице, которой исполнилось восемнадцать всего несколько часов назад. Она стояла перед зеркалом в узкой ванной комнате, внимательно рассматривая собственное отражение, и пыталась понять, почему сегодняшний день, который должен был стать началом новой жизни, вызывал у неё почти физическое отвращение. За окном медленно просыпался город. Серые жилые башни поднимались к низкому облачному небу, соединённые между собой крытыми переходами, по которым уже двигались первые утренние потоки людей. На стенах соседних зданий вспыхивали рекламные панели, транслирующие неизменный лозунг: «ТВОЯ СОВМЕСТИМОСТЬ — ТВОЁ БУДУЩЕЕ». Под ним появлялись улыбающиеся молодые лица, а затем цифры, демонстрирующие успехи очередного поколения: девяносто семь процентов выпускников получили высшую категорию, девяносто девять процентов граждан довольны распределением, ноль случаев необоснованного вмешательства в частную жизнь. Последняя цифра всегда заставляла Настю усмехаться. Она никогда не видела человека, который мог бы доказать, что вмешательство в его жизнь было необоснованным. Система сама определяла, что правильно, а что нет, и потому любые её решения по определению считались правильными.

Настя отвернулась от зеркала и провела ладонью по коротким тёмным волосам. Ей хотелось выглядеть совершенно обычно, ничем не отличаться от тысяч других восемнадцатилетних девушек, которые сегодня отправятся в Центры распределения, сядут в белые кресла сканирования и с волнением дождутся результатов. Она надела светлую рубашку, застегнула воротник и поправила тонкий браслет на левом запястье. Браслет был обязательным атрибутом каждого гражданина старше двенадцати лет. Он измерял пульс, температуру, уровень стресса, отслеживал местоположение и передавал данные в Центральную систему непрерывного наблюдения. На официальных занятиях его называли персональным помощником, который защищает человека от ошибок и помогает принимать взвешенные решения. Настя называла его ошейником, но только мысленно. За подобные высказывания можно было получить предупреждение, а три предупреждения автоматически снижали показатель социальной благонадёжности. Она давно научилась следить за словами, особенно когда рядом находились устройства, способные передавать их дальше.

На кухне работал старый очиститель воздуха, издававший негромкий металлический гул. Мать стояла у стола и раскладывала по тарелкам завтрак, хотя Настя прекрасно знала, что есть ей сегодня не захочется. Елена Алдохина выглядела так, словно не спала всю ночь. Под гла-

зами залегли тени, пальцы дрожали, а чашка с горячим напитком стояла перед ней нетронутой. Когда Настя вошла, мать подняла голову и попыталась улыбнуться, но улыбка вышла неестественной, будто лицо забыло, как это делается. «Ты готова?» — спросила она. «Настолько, насколько вообще можно быть готовой к экзамену, от которого зависит вся твоя жизнь». «Не говори так». Елена быстро взглянула на браслет дочери, затем на собственный, словно опасалась, что даже обычный разговор способен привлечь ненужное внимание. «Сегодня важный день. Ты должна думать о хорошем». Настя села напротив и взяла кусочек хлеба, больше для вида, чем из желания поесть. «А если результат окажется плохим?» Мать замерла. Всего на секунду, но Настя заметила это движение и почувствовала, как внутри что-то неприятно сжалось. «Почему он должен оказаться плохим?» — спросила Елена после паузы. «У меня хорошие оценки, я прошла все тесты, не получала предупреждений. Система должна быть довольна». «Тогда не о чем беспокоиться». «Мам, я задала другой вопрос».

Елена опустила глаза. В последнее время она часто так делала, когда разговор заходил о прошлом. Раньше Настя не придавала этому значения, считая, что мать просто устала от бесконечных смен в медицинском архиве. Но после шестнадцатилетия дочери что-то изменилось. Елена стала проверять замки по вечерам, отключала домашний терминал от сети, когда думала, что Настя не видит, и иногда просыпалась среди ночи с таким выражением лица, будто только что услышала чей-то крик. Несколько раз Настя пыталась расспросить её, но всякий раз получала один и тот же ответ: ничего не произошло, всё в порядке, просто работа отнимает много сил. В конце концов девушка перестала задавать вопросы. Она знала, что у каждого взрослого есть воспоминания, о которых он не хочет говорить, и не считала себя вправе требовать объяснений. Однако сегодня молчание матери казалось особенно тяжёлым. «Ты ведь понимаешь, что оценка — это не обычный экзамен?» — тихо спросила Елена. «Мне объясняли это примерно тысячу раз». «Я серьёзно, Настя». Мать наклонилась вперёд, и в её глазах мелькнуло нечто такое, чего дочь прежде никогда не замечала. Не тревога за результат. Не страх перед возможным распределением. Это был страх перед самой процедурой. «Что бы ни показал экран, не пытайся ничего исправлять самостоятельно. Не соглашайся на дополнительные тесты, если тебе предложат пройти их без объяснения причин. И если вдруг услышишь, что твой результат требует восстановления, сразу звони мне». Настя нахмурилась. «Какого ещё восстановления?» «Обычная техническая процедура. Я просто хочу, чтобы ты была осторожна». «Ты работаешь с медицинскими архивами. Ты знаешь, что восстановление назначают только при повреждении нейронной карты или серьёзном нарушении эмоционального профиля. У меня ничего подобного нет». «Именно поэтому я говорю тебе не соглашаться». Елена произнесла это слишком быстро, а затем осеклась, словно сама испугалась собственных слов.

Некоторое время они молчали. За окном по стене соседнего здания пробежала полоса голубого света — городской информационный экран перешёл к утреннему обращению руководителя Совета. Из встроенного динамика раздался спокойный мужской голос, знакомый каждому жителю страны: «Сегодня тысячи молодых граждан сделают следующий шаг к своему предназначению. Единая оценка совместимости позволяет нам раскрывать способности каждого человека, устранять внутренние противоречия и создавать общество, в котором никто не остаётся без поддержки. Помните: государство не ограничивает ваш выбор. Оно помогает вам найти единственно верный путь». Настя посмотрела на мать. Елена слушала обращение с неподвижным лицом, однако её рука так сильно сжала край стола, что побелели костяшки пальцев. «Ты когда-нибудь задумывалась, почему у нас нет права отказаться от этого единственно верного пути?» — спросила Настя. «Потому что без системы люди снова начнут воевать друг с другом», — автоматически ответила мать. Это был ответ из школьного учебника, и обе они это понимали. «А если система ошибается?» Елена медленно подняла голову. На этот раз в её взгляде не было привычного желания прекратить разговор. Было нечто гораздо более

страшное — узнавание. «Тогда, — прошептала она, — человеку приходится решать, готов ли он заплатить за правду».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.